

Литературный факт.
2021. № 2 (20)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (20), 2021

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-160-188>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Еще раз о ранней биографии Е.М. Тагер

© 2021, А.Л. Соболев

Независимый исследователь,
Москва, Россия

Аннотация: Впервые публикуются десять писем писательницы Елены Михайловны Тагер (1895–1964), относящихся к ранним, наименее изученным годам ее жизни. Среди ее корреспондентов – С.П. Милюков, Н.А. Рубакин, Вяч. Иванов и А.А. Блок. Значение писем выходит за пределы собственно биографического: так, письмо к Иванову содержит неизвестное свидетельство о знаменитом заседании Религиозно-Философского общества, посвященном исключению В.В. Розанова. Письма к Рубакину рассказывают о деталях предвоенной жизни русской студенческо-революционной диаспоры в Швейцарии. Публикация сопровождается подробным комментарием.

Ключевые слова: биография писателя; Е.М. Тагер; литературная жизнь; письма; публикация архивных документов.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com.

Для цитирования: Соболев А.Л. Еще раз о ранней биографии Е.М. Тагер // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 160–188. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-160-188>

При естественном ходе событий освоение писательской биографии состоит из нескольких несмешивающихся этапов с заметными реперными точками: когда имярек из персонажа подстрочных указателей делается героем словарной статьи и далее, когда он становится центральной фигурой монографической работы. На наших глазах за последние десятилетия эту череду посмертных статусов поменяла Елена Михайловна Тагер (1895–1964), о которой еще в 1991 г. мемуарист упоминал как о «прочно забытой ленинградской

писательнице» [4, с. 378]. Превосходно подробные биографические заметки о ней появились в нескольких профильных справочниках, от «Литературных Хибин» [14, с. 839–840]¹ до словаря североведов России [7, с. 457]² (хотя монументальные «Русские писатели», имея формальную возможность включить ее в словник, все-таки ею пренебрегли).

На той же линии — недавно появившаяся замечательная работа М.Г. Сальман «Из юношеских лет Елены Тагер (материалы к биографии, 1895–1924)» [11]. Построена она в манере, методологически чрезвычайно симпатичной автору этих строк: с обилием попутных жизнеописательных экскурсов, относящихся к любому попавшему в текст персонажу; например, про В.В. Гиппиуса, одного из гимназических учителей Тагер, делается отступление на три с половиной страницы с ворохом ссылок и обширными цитатами из его переписки 1930-х гг., никакого прямого отношения к заглавной героине не имеющими. Более того, тень Гиппиуса выводит на свет еще серию персонажей, вроде пары его жен (каждая с годами жизни и архивными ссылками!), которые, по крайней мере старшая, с Тагер, кажется, и знакомы не были. Дальше хоровод этих случайных гостей только разрастается, в нем появляется, например, Г.К. Вебер, разминувшийся с Тагер на полгода: она поступила в гимназию осенью 1908-го, а он в мае того же года был командирован в Париж, откуда вернулся в Москву. Эти извивы судьбы не помешали ему занять полторы страницы в биографии его несостоявшейся ученицы, приведя с собой в подстрочные примечания жену, двух дочерей, сына и еще нескольких лиц. Вероятно, в идеальном случае работа такого рода должна в конечном итоге вместить всех жителей Петербурга, ходивших с героиней по одним и тем же улицам, но подобный величественный замысел обречен столкнуться с ограничениями физического характера. Конечно, эта тотальная биографическая ревизия в любом случае бесполезна, тем более что автор попутно исправляет чужие ошибки (не исключая и мнимых), в частности оплошность главной героини, которой классическое образование и жизнь в кантоне Во не помогли, вероятно, в достаточной мере овладеть французским языком³. Своих же современников автор и вовсе не щадит: «цитируем

¹ Между прочим, в этом справочнике, щедром на попутные открытия, сообщается (правда, без ссылки), что ее отец, Михаил Михайлович Тагер, умер в 1923 г.; до этого время его смерти известно не было.

² Содержательные справки помещены также в справочнике «Самиздат Ленинграда» [12, с. 228–229] и в качестве предисловия к аннотации ее архивного фонда в РО ИРЛИ [6, с. 986–989].

³ Там же. С. 466 (примеч. 13).

по архиву, т.к. документ был опубликован с мелкими неточностями»; «дочь ошибочно утверждала»; «не приводя никаких аргументов, NN утверждает»; «не только перепутала дату, месяц и год письма, но и позволила себе» — примечания так и пестрят подобными суровыми маргиналиями.

Прискорбно, впрочем, что за сонмом попутных героев несколько теряется личность самой Тагер: из десятков, если не сотен процитированных документов (сорок страниц работы содержат 188 сносок, иные из которых разрослись на полстраницы), перу самой Елены Михайловны принадлежит меньше двадцати, причем, как назло, опубликованное письмо к В.П. Красногорскому цитируется полностью, а вот в интереснейших посланиях Тагер к Ю.А. Никольскому сделаны досадные купюры (не оставляем надежды, что это — не случайная оплошность, а признак похвальной хозяйственности, позволяющей М.Г. Сальман отложить их для будущей, полной публикации). Именно непровольное затенение главной героини этой превосходной работы нам бы хотелось слегка компенсировать. Дело в том, что в архивах хранится еще изрядное количество писем юной Тагер, вовсе не введенных в научный оборот и неизвестных ученым, — между тем иные из них весьма любопытны не только по значению для ее биографии, но и в качестве выразительных свидетельств эпохи.

Первое из них — письмо к Сергею Павловичу Милюкову (1895–1915), сыну лидера кадетов П.Н. Милюкова, выпускнику Тенишевского училища, убитому на войне. Нам случалось уже приводить данные о Милюкове-младшем и составлять обзор его архива, растворенного среди бумаг прославленного отца⁴. Напомним лишь очевидную, но труднообъяснимую странность: представляется, что при архивной обработке от каждого корреспондента отбирались по одному-два письма, а остальные уничтожались. По взятому тону и упоминаемым надеждам на продолжение диалога кажется, что писем Тагер должно быть больше, но сохранилось лишь одно. В комментариях оно, кажется, не нуждается.

Напротив, некоторых предуведомлений требует следующий эпистолярный цикл – письма Тагер к Николаю Александровичу Рубакину (1862–1946). Связаны они с двумя периодами жизни Тагер в Швейцарии, сыгравшими существенную роль в формировании ее личности. Рубакин, с 1907 г. вынужденно обитавший на берегах озера Леман, был одним из негласных лидеров местной диаспоры,

⁴ <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/258644.html>.

не только снабжавший русских студентов книгами из собственной библиотеки, но отчасти и патронирующий их в бытовых вопросах. Характерен в этом отношении эпизод с Цецилией Иосифовной Рабинович (1887–1950), будущей сотрудницей ВГБИЛ, а на тот момент беглой революционеркой и студенткой Женевского института. Рубакин посоветовал ей поселиться в пансионе Bächler в местечке Esublens, где жила Тагер, благодаря чему в ее письмах регулярно появляются упоминания наподобие следующих: «Елена Михайловна тоже к Вам собирается»⁵ или «Елена Михайловна шлет Вам сердечный привет. Она едет завтра в Вех и тем же поездом, что и Вы»⁶. Ее же письмо объясняет существенные обстоятельства жизни русских студентов после начала войны. 2 августа Рабинович писала Рубакину: «Мы, здесь живущие, находимся в критическом положении. Очевидно, мы денег из России уже не получим: нет почтово-телеграфного денежного сообщения. Мы, значит, хозяйке платить не можем. У хозяйки денег нет, запасов провизии тоже почти нет, и она вынуждена будет нам отказать. Я сейчас усиленно подумываю о том, к^{<a>}к бы мне записаться во французский Красный Крест в качестве сестры милосердия. Сегодня одна француженка едет в Evian и узнает об этом»⁷. Последнее сохранившееся письмо Тагер к Рубакину как раз представляет собой попытку занять скромную сумму, чтобы добраться кружным путем до Генуи и оттуда отплыть пароходом в Петербург.

Насколько неизвестна была вся швейцарская страница биографии Тагер⁸, настолько прозрачен контекст ее письма к Вячеславу Ивановичу Иванову (1866–1949). Тематически оно примыкает к единственному ее мемуарному отрывку, напечатанному в СССР, — короткому очерку «Блок в 1915 году» [2, с. 296–303]⁹. Центральная его часть — встреча с Блоком на заседании Религиозно-философского общества в Петрограде 26 января 1914 г., посвященном исключению В.В. Розанова. В воспоминаниях Тагер называет среди выступавших Д.В. Философова, А.В. Карташева, Е.П. Иванова¹⁰ и Е.В. Аничкова,

⁵ Письмо от 16 июля 1914 г. // РГБ. Ф. 358. Карт. 266. Ед. хр. 30. Л. 17–17об.

⁶ Письмо от 18 июля 1914 г. // Там же. Л. 20об.

⁷ Там же. Л. 24.

⁸ М.Г. Сальман ограничивается фразой «Летом 1914 Е.Т. поехала в Швейцарию, там ее застала война» [11, с. 466], что на фоне размещенных вокруг подробных биографий незнакомых с Тагер лиц выглядит слегка нарочито.

⁹ Перепечатано: [1, с. 101–107]. Удивительно, что, несмотря на прекрасную память, она ошиблась больше чем на год: историческое заседание было не «весной 1915-го года», а 26 января 1914-го.

¹⁰ Замечательно, что она запомнила его реплику почти дословно: ср. в воспоминаниях: «Пусть Розанов болото, — но ведь на этом болоте ладыши

но, как выясняется, наиболее сильное впечатление произвели на нее реплики не названного ею Вяч. Иванова. Благодаря сохранившейся и опубликованной стенограмме текст его выступления известен: настаивая на неподсудности писателя, он рекомендовал воздержаться от исключения. Именно топка его речи вызвала большой полемический отзыв незнакомой с ним лично Тагер. Продолжения этот сюжет, насколько нам известно, не имел.

Еще меньше предубеждений требуют давно учтенные библиографией письма Тагер к Блоку. В мемуарах она подробно изложила обстоятельства отправки первого из них: «Я набираюсь храбрости. Из моей девичьей лирики отделяю то, что мне кажется законченнее, совершенное <sic! вероятно: совершеннее>. Тщательно переписываю на машинке, придумываю сопроводительное письмо — и бух, как в воду головой...» [2, с. 302]. Последовавший обмен письмами породил удивительный для эдиционной практики казус: послания Блока Тагер приводит *по памяти* (весь ее ранний архив был утрачен). Интересно, что в хронологии Тагер ошиблась ровно на год: ее первое письмо написано через двенадцать месяцев после памятного заседания Религиозно-философского общества, так что связывать свою эпистолярную решимость с результатом рокового голосования, как это сделано в мемуарах, у нее не было особенных оснований. Между тем восстановленные ею по памяти письма Блока настолько явно резонируют с ее сохранившимися ответными, что это поневоле заставляет предполагать наличие в ее распоряжении копии собственных посланий. На последнем ее письме Блок сделал пометку «Не поняла. Не отв.», и переписка на этом пресеклась.

Письма печатаются по автографам, без выпусков, с приведением орфографии к современной норме. К сожалению, мы не можем передать, оставаясь в привычных текстологических рамках, занятную особенность правописания Тагер: вопреки действовавшим правилам, она не использует «ер» (ь) на конце слов. Общеизвестные имена и обстоятельства не комментируются.

растут!), и стенограмме: «Надо помнить, что из этой души, при всей ее темноте, могут цветы расти, могут и ландыши расти, как из болота цветы растут» [9, с. 420].

1. С. П. Милюкову. 18 июня / 1 июля 1913 г. СПб.

18–1 / VI–VII 1913 г.

До сих пор, Сережа, я не думала, что мы — люди из двух разных миров, но теперь, прочитав Ваше письмо, начинаю думать, что это, пожалуй, верно. Ваша система довольно-таки чужда мне. Вы понимаете «я» и «мир» как две абсолютно различные вещи (к сожалению, не указываете, в каком отношении др<уг> к другу стоят эти два абсолюта). Для меня — и «мир» и «я» — явления одного порядка, одного происхождения: то и другое для меня — различные по форме и тождественные по существу проявления творческой силы, для обозначения кот<ор>ой я считаю подходящим имя Бога. (Надеюсь, Вы не испугаетесь такого «иррационального» слова?) — Происходя из одного источника, «мир» и «я» естественно имеют в своей сущности много одинаковых элементов: так много, что возникает стремление их слиться воедино. Но в то время, как «я» является абсолютом активным, «мир» в этом смысле абсолюта пассивный; я хочу сказать, что скрытое стремление к слиянию воедино — в мире остается скрытым, подразумеваемым, а в моем я — претворяется в действие. Слияние будет достигнуто только усилиями я. В этом, по-моему, жизненная задача каждого человека и оправдание его существования.

Для меня идеальным является такое состояние, при котором человек может искренно и от души сказать «и Бог, и мир, и я — одно».

В этом — вершина всех подъемов, шире и глубже этого, по-моему, ничто не может быть. Но, разумеется, это идеальное состояние достигается с большим трудом. Эту трудную достижимость идеала я объясняю себе тем, что в «я» есть личные, самодовлеющие элементы, мешающие человеку направить свою волю к Богу и миру. Человек слишком легко может погрузиться в глубины собственного я, решить, что в нем-то, в этом я и есть всё абсолютное, вечное. Поэтому я считаю для слияния с Богом и миром необходимым момент отречения. Нужно отречься от себя, во имя того, что выше и шире, от я — во имя Бога и мира. И только тогда станет возможно чистое наслаждение земными радостями во всей их глубине. В Вашем представлении об идеале есть момент, кот<орый> мне совершенно непонятен: это — свобода от воспоминаний. Мне кажется, Сережа, что это не для людей, а для каких-то гомункулюсов. По-моему, человек не может не сознавать своей ответственности по отношению к настоящему, а следов<ательно> — и к прошлому, в кот<ор>ое минуту спустя преобразится это настоящее. И даже, мне кажется, человеку свойственно волноваться и тревожиться такими событиями, в кот<орых>х он, действительно, нисколько не виноват. Взять хотя бы это Ваше охлаждение земли: при всей непредотвратимости этого события и при всей нашей невинности, — я первая отношусь к нему далеко не безучастно (хотя и знаю, что земли «на мой век хватит»). М<о-

жет> б<ыть,> такие терзания — просто «пленной мысли раздраженье»¹. Но я вижу в них опять-таки доказательства того, что мир и индивидуум — два близкие и родственные начала, что судьба одного тесно связана с участью другого и что задача их — в конечном слиянии.

Свобода от воспоминаний — для меня самый неясный пункт Вашего сredo. Для меня неясно также (но это уже мелочь), зачем Вы, излагая роль идей в Вашей деятельности — останавливаетесь на понятии безнравственного. Если Вы уверены, что идеи Ваши не приходят к Вам извне и не являются результатом наследственности, среды, воспитания, — а возникают самостоятельно (самопроизвольно?) в Вашем я, в его глубинах; если Вы наст<олько> уверены в их абсолютной пригодности (непогрешности, другими словами), что избираете их своими единственными руководителями — то не всё ли Вам равно, если возникшие у Вас идеи будут принадлежать к тому порядку, кот<орый> называется безнравственным? — Если же, м<ожет> б<ыть,> я Вас плохо поняла и Вы не считаете своих идей такими — бесконтрольными? Тогда, значит, Вы производите их классификацию и, разделив на пригодные и непригодные, совершаете выбор между ними. Что же или кто же производит у Вас этот выбор — разум, воля, нравств<енное> чувство? Если так, то правы ли Вы, приписывая идеям роль Ваших руководителей, не скорее ли можно предположить, что место его занято тем, что помогает Вам производить эту классификацию, этот выбор?

Надеюсь, что следующее Ваше письмо разъяснит мне мои недоумения. Думается, несмотря на разницу наших миропониманий, мы всё же можем как-нибудь «спеться».

Конечно, Вас можно поздравить с окончанием Вашей «средней школы»²? Каковы теперь Ваши планы и намерения на ближайшее будущее?

Всего лучшего!

Тагер.

ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 6469. Л. 1–2 об.

¹ Из стихотворения Лермонтова «Не верь, не верь себе, мечтатель молодой...».

² Милоков окончил Тенишевское училище.

2. Н. А. Рубакину. 7 января 1914 г. СПб.

7 января 1914.

Многоуважаемый Николай Александрович!

Чувствую себя бесконечно виноватой перед Вами и прямо не решаюсь просить о снисхождении. С самого приезда из Швейцарии я собираюсь Вам написать, выразить еще раз всю бесконечную благодарность за Ваше сердечное отношение ко мне. Но петербургская жизнь, если поддаваться ее обаянию, вообще захватывает человека, а я, после долгого отсутствия, особенно завертелась и разбросалась. К тому же первые месяца два пришлось работать вовсю. Я благополучно, даже очень благополучно, сдала экзамены за 8-й класс, написала все многочисленные рефераты, задуманные в чудесной атмосфере Вашей библиотеки, получила нужное свидетельство и поступила на курсы¹. Поступила, к^ак и предполагала, на физико-матем^атический факультет². Надеюсь года через 3–4 перейти на истор^{ико}-филологический и «вовсю» заняться философией, а пока понемногу занимаюсь математикой. Должна сознаться, что курсы посещаю очень лениво и небрежно, да большего они едва ли стоят. Там нет научной атмосферы, нет такого духа, кот^{ор}ый захватывал, окрылял бы человека, давал бы почувствовать, что мы — в центре культурной, идейной работы, в настоящем рассаднике знаний. — Я не скажу, что горько разочаровалась в курсах, п^{отому} ч^{то} не ждала многого от них; к тому же я помнила, что кончила гимназию совершенно исключительную по составу преподавателей — и учитывала это обстоятельство. Но даже моих скромных, сравнительно, требований курсы не оправдывают. Я переслушала почти всех лекторов историко-филологического и юридического факультета; среди них 2–3 являются действительно учеными, в лучшем смысле этого слова, — такими, которых хотелось бы иметь своими руководителями; 4–5 рассыпают перед восторженной аудиторией блестящий фейерверк звонких фраз, а остальные... Бог им судья! Слушая их, чувствуешь, что предмет лекции — сам по себе, аудитория — сама по себе, а лектор — тоже сам по себе, — и нет, кажется, такой связи, кот^{орая} могла бы объединить эти три элемента. Не знаю, возможно, что я ошибаюсь, но мне кажется, что даже при наличии эрудиции, добросовестности и некот^{орого} умения излагать свои мысли (что далеко не обязательно у нас для профессора...) — необходимо, чтобы был нервный ток между лектором и аудиторией, необходимо, чтобы лектор горел сам и зажигал публику. Другими словами — необходим талант. А их у нас, видно, недород. И получается скука, от кот^{орой} лампы гаснут; вместо знаний — сведения, вместо науки — дилетантизм.

Надо отдать справедливость аудитории, было бы даже жаль, если б перед ней выступали талантливые профессора. Настолько курсовая масса неинтересна, неинтеллигентна, безнадежно бездарна и, временами, прямо

некультурна. Впрочем, это относится по преимуществу к физико-математикам; филологички выше (увы! немногим...).

Прибавьте еще ужаснейшую «предметную» систему и невообразимую путаницу и бесполочь, вносимую ею...³

Вот, Николай Александрович, унылая картина старейшего русского женского университета. Мне говорят, впрочем, из многих вполне достоверных источников, что в настоящем Университете происходит во всех отношениях то же, плюс еще свирепствующий академизм, кот<орый> у нас на курсах еле-еле зарождается.

Я боюсь, Вы подумаете, что я слишком требовательна. Конечно, следовало бы пробыть на курсах годы, прежде, чем выражаться так резко. Но с другой стороны — *premier sentiment est toujours juste*⁴, говорят. К тому же я добросовестно стараюсь примириться с курсами и найти в них что-ниб<удь> хорошее; м<ожет> б<ыть> и удастся.

А пока, естественно, ищу утешения на стороне. Нахожу его в книгах и в общении с людьми. Читаю много и гл<авным> образом по любимой моей философии. Ревностно посещаю религ<иозно>-философское общество и слушаю, к<а>к подвизаются там олимпийцы, — Мережковский, Философов и др. — в присутствии кот<ор>ых у простых смертных дух захватывает⁵. Посещаю вообще всякие лекции, собрания и литер<атурные> вечера, до футуристических включительно, навещаю выставки, театр. Наконец, поддерживаю живые отношения со множеством знакомых, среди кот<ор>ых попадаются люди интересные.

Вообще, жизнь бьет ключом, несетя курьерским поездом и в этой смене впечатлений тонут личные печали, тревоги и огорчения. Из Швейцарии я привезла громадный запас хорошего здоровья и настроения, т<ак> ч<то> близкие, привыкшие видеть меня изнервничавшейся, измученной, утомленной, — прямо не узнают меня. Хотелось бы мне страшно попасть еще раз в Швейцарию, посмотреть на эти места, кот<орые> я так полюбила, кот<орые> дали ст<олько> моментов радости. Но едва ли это исполнимо.

Впрочем, еще рано думать о том, что будет летом, — до тех пор так много времени и за это время столько может произойти перемен. Приходится пока жить настоящим.

Но все же, я хочу верить, что еще попаду в Clarens⁶ и увижу Вас. Поэтому, — до свиданья и, надеюсь, не оч<ень> далекого.

Да, спасибо Вам, Николай Александрович, за то, что направили ко мне М-Ше Малафееву⁷. Она такая жизнерадостная, бодрая, верующая, — что иногда, в мои тяжелые минуты, заражает меня своим настроением. Сказать по правде, я не думаю, что могу быть ей полезна, но мне было приятно познакомиться с нею и я оч<ень> Вам благодарна за этот сюрприз.

Оч<ень> хотела бы знать, к<а>к здоровье Вашего старшего сына, к<а>к его занятия. Я читала в Русск<ом> Богатстве его стихи, — по моему, они очень талантливы; я прямо не думала, что он может быть т<а>к лиричен⁸.

Если он меня помнит, — передайте ему, пожалуйста, мой привет. Будьте добры передать мой самый сердечный привет Моисею Абрамовичу Veilkin'у⁹.

Шлю Вам самые лучшие пожелания на Новый Год и еще на много, много лет вперед.

Если у Вас найдется минутка для ответа, — Вы доставите мне большую радость.

Всего лучшего!

Ваша Ел. Тагер.

Моховая, 4, кв. 15.

РГБ. Ф. 358. Карт. 278. Ед. хр. 47. Л. 1–6 об.

На именной почтовой бумаге: Михаил Михайлович Тагер. Телефон № 207–63.

¹ Тагер в 1913 г. закончила гимназию М.Н. Стоюниной и поступила на Высшие женские (Бестужевские) курсы.

² М.Г. Сальман пишет «Окончив в 1913 гимназию, Е.Т. начала заниматься на историко-филологическом факультете ВЖ(Б)К, деканом которого был И.М. Гревс» [11, с. 457], что вступает в прямое противоречие с сообщаемыми в этом письме сведениями (если не считать упоминания о Гревсе, который, несомненно, был деканом).

³ «Предметная» система, считавшаяся более прогрессивной по сравнению с архаической «курсовой», подразумевала большую свободу для студентов в выборе предметов изучения согласно специализации и научной склонности. См., напр.: *Ивановский В.Н.* Предметная система в наших университетах и ее применение к философским наукам. СПб., 1908.

⁴ Первое впечатление всегда верно (*фр.*).

⁵ Подробнее см. письмо 3 и коммент. к нему.

⁶ Деревня в швейцарском кантоне Во, пригород Монтре, где жил Рубакин.

⁷ В архиве Рубакина хранится несколько писем Марии Малафеевой (в описи: «Малофеева»). Первое из них (недатированное) начинается так: «Обращаюсь к уважаемому господину Рубакину с глубокой просьбой, помочь выйти мне из той духовной темноты и тесноты, в которой чувствую себя! Недавно, познакомившись, к великому счастью, с журналом “Вестником Знания” <sic> я узнала о существовании на свете такого доброго человека, который может и хочет помочь каждому, ищущему знания и истины» (РГБ. Ф. 358. Карт. 252. Ед. хр. 5. Л. 1). Из письма следует, что написано оно 17-летней девушкой, дочерью Петрозаводского почтового служащего. По данным местного справочника очевидно, что она — дочь помощника начальника Петрозаводской почтово-телеграфной конторы Александра Федоровича Малафеева (Памятная книжка Олонецкой губернии на 1913 год / Сост. секретарь комитета И.И. Францишкевич-Яновский. Петрозаводск, 1913. С. 44). Рубакин имел привычку оставлять отпуска (копии) собственных писем: зачастую, из-за несовершенных средств копирования они малочитаемы, но фрагмент письма к Малафеевой от 21 августа (?) 1913 г. прочесть можно: «Прежде всего хочу я Вас познакомить с удивительно милой и умнейшей девушкой Ваших же лет (ей тоже 17). Идите к ней прямо с запиской, которую я тут прилагаю и — будьте друзьями. Она девушка очень серьезная, вдумчивая и из очень хорошей семьи» (Там же. Л. 11). Подразумевалась здесь именно Тагер. В следующем письме (от 30 декабря, без года, но явно 1913) Малафеева рапортовала о состоявшемся знакомстве: «С Еленой Михайловной, или с Лёлей, как я ее зову, познакомилась. Отправилась к ней с Вашим письмом на второй же день по получении. Она отнеслась ко мне очень радушно, сочувственно, так же и ее родители, которые мне, надо сказать, очень понравились. Лёля мне тоже страшно по-

нравилась, сейчас нравится еще больше, но я очень далека от нее. Во-первых, меня мучает мысль, что я “навязалась” к ней в знакомые, что она так хорошо относится ко мне только благодаря Вам; а, во-вторых, я такая против нее неразвитая, — мне стыдно, все это меня постоянно мучает. Очень хочу сойтись с ней ближе, так, чтобы она была не только, ну, что ли, моей по нужде помощницей, но и другом — и не могу, не умею. Бывала у нее несколько раз, разговаривала, а все как-то я чувствую себя не особенно хорошо. Она мне дает книги. Мы с ней решили, что прежде чем читать мне критику, хорошо бы восстановить свежо в голове все сочинения классиков, заново перечитать. Взясась за Тургенева. Я думаю, не нужно говорить Вам, как понравился он мне теперь в сравнении с прежним, да и не умею сказать “как” именно, гораздо сильнее, полнее отзывается во мне его влияние. Но, признаюсь, недовольна я собой и даже очень. Представьте, до сих пор еще его не кончила — осталось тома 3. Почему? И сама не понимаю и не знаю. Время прошло как-то уж очень скоро — оглянуться не успела. Может быть, оттого, что, можно сказать, много времени пропадает у меня даром. Наверное и Лёля-то мной недовольна; скажет: “что же это такое?”» (Там же. Л. 70б.–80б.). Рубакин утешал ее 4 февраля 1914 г.: «Я очень рад, что Вы познакомились с Еленой Михайловной. <...> Она в письме очень хорошо о Вас отзывалась. Старайтесь видиться и беседовать с ней почаще» (Там же. Л. 14). Далее переписка прервалась; о судьбе Малафеевой мы ничего не знаем.

⁸ Александр Николаевич Рубакин (1889–1979) — врач-гигиенист, историк медицины, поэт. Учился в Тенишевском училище, поступил в Петербургский университет, но был арестован за распространение революционной литературы, бежал из ссылки за границу. Заканчивал образование в Парижском университете, работал военным врачом, после 1917 г. служил представителем Наркомздрава при советском посольстве во Франции. Вернулся в СССР после 1944 г. В 1909 г. он отправил в журнал «Русская мысль» подборку из трех стихотворений: «Ночные тревоги...», «Хорошо мечтать перед закатом...» и «Мечту прошедших лет в тебе я успокою...»; на всех трех пометы «принято» и «ув<е>домлено?» 15.X.09» (РГБ. Ф. 386. Карт. 58. Ед. хр. 29). Два года спустя он напоминал о себе: «Уважаемый Господин Редактор. Пошлю Вам прилагаемые при этом письме стихотворения — не подойдут ли они для Вашего журнала. Два из них (“Хорошо мечтать...” и “Ночные тревоги”) были приняты в “Русскую мысль” ровно два года тому назад, но почему-то напечатаны не были и по-видимому были затеряны в редакции» (РГБ. Ф. 386. Карт. 101. Ед. хр. 4. Л. 1). Его единственная книга стихов «Город» вышла двумя изданиями — в Берлине в 1920 г. (в обложке по рисунку Н. Гончаровой) и в Париже в 1927. Он довольно скудно печатался в периодике (см., впрочем, крайне незаурядное стихотворение «С вечернею грустью открыла ты крышку рояля...» (Свободный журнал. 1915. № 3. Стлб. 65–66)). Тагер имеет в виду подборку его стихов «Из цикла “Город”», напечатанную в № 9 «Русского богатства» за 1913 г. (С. 143–146). В нее вошли стихотворения «Три камня» («Три камня в городе угрюмом...»), «На улице» («Моросит. Седое небо хмуро...»), «Вечером» («Город чуждый и далекий, в дымке призрачных фантазий...»), «Тоска» («Я устал от пестроты созвучий...»), «Бред» («Мерные, четкие линии сонных бульваров...»).

⁹ Моисей Абрамович Белкин (Бейлкин) — довольно загадочное лицо. В описи исполнинского фонда Рубакина есть несколько адресованных ему писем, причем иногда он в ней именуется И. Бейлкиным, иногда А. Бейлкиным, но чаще М. или М.А. — причем, всегда с титулом секретаря Рубакина. В одном случае тот же секретарь называется И. Белкиным. При этом в других местах той же описи секретарем Рубакина значится другой Моисей Абрамович — по фамилии Атлас. Он как раз идентификации поддается: это будущий завхоз торгпредства СССР в Италии. Он родился в Риге в 1886 г. в семье приказчика, учился в торговой школе, участвовал в революционном движении и в 1906 г. был арестован. Четыре года провел на каторге, бежал, перекрался через немецкую границу. В своей автобиографии он сообщал, что с 1912 по 1914 г. служил в Женеве секретарем «у одного писателя» (имя Рубакина он не называл). В 1914 г. переехал в Италию, потом снова вернулся в Швейцарию, жил в Германии и в 1924 г. уехал в СССР, где был на правах бывшего политкаторжанина

обласкан властями. Два года спустя он был отправлен на лечение в Берлин, оттуда переехал в Милан, где работал в торгпредстве, но не подчинился требованию о возвращении в СССР и остался в Италии; см.: [3, с. 522]. Между тем, естественному стремлению объединить двух секретарей Моисеев Абрамовичей (с очень похожими почерками!) в одно лицо мешает один-единственный факт: Моисей Абрамович Бейлкин в письме от 13 декабря 1911 г. извиняется за внезапное оставление работы («Настроение у меня сейчас прескверное. В Cleagens сейчас вернуться не могу. Совершенно не могу сейчас работать. Буду скитаться, пока не приду в себя. Если Вы, дорогой Николай Александрович, искренно относитесь ко мне хорошо не только как к работнику, но и как к человеку — тогда Вы меня за мой поступок презирать не будете»; РГБ. Ф. 358. Карт. 203. Ед. хр. 30. Л. 1об.). Напротив, Моисей Абрамович Атлас нанимается на работу только в мае 1912 г. (см. его первое недатированное письмо и открытку с штемпелем 11 мая 1912 г.: РГБ. 358. Карт. 201. Ед. хр. 4. Л. 1 и 2об.). Более того, среди корреспондентов Рубакина есть и Моисей А. Беликов, но он живет безвылазно в Великом Устюге и почерк его решительно непохож на первых двух. Очевидно, такое изобилие омонимов — неизбежный спутник недюжинной эпистолярной активности фондообразователя.

3. Вяч. Иванову. 27 января 1914. СПб.

СПб. 27 янв. 914 г.

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович.

Я не знаю Вас лично и, вероятно, никогда не узнаю. Тем не менее, я решаюсь написать Вам, чтобы выяснить себе, если возможно, Ваше отношение к бесконечно волнующему меня вопросу.

Вопрос этот вырос из другого, поглощающего за последние недели все мои мысли, — из вопроса об исключении Розанова из числа членов р<елигиозно>-фил<ософского> об<ществ>а. Опять-таки, я не знаю лично ни В.В. Розанова, ни кого бы то ни было из судивших его членов совета. Знаю я их, поск<ольку> знает их вся учащаяся, читающая и «интересующаяся» молодежь. И все же вопрос об исключ<ении> Розанова вырос для меня в громадную проблему, стал, можно сказать, личным делом. — Вся моя кровь возмущается, когда я думаю о писаниях этого человека, о безмерном, неисчислимом вреде его выступлений. Хочется защищаться, бороться, кричать, что молчать нельзя, что сохранять с ним общение — невозможно. — Но судить, — взять на себя сказать человеку «Я прав, а ты виновен; я чист, а ты грешен»... Как могут люди хоть на минуту поднять на себя такую тяжесть, к<а>к смеют они думать об этом? Ведь это значит, что если б при них было сказано «кто из вас без греха» — они, эти судьи Розанова, на секунду не задумываясь пустили бы в грешницу камнем. Мыслимо ли это для людей — умных, чутких и, главное, религиозных? Да вообще, мыслимо ли чтоб человек судил человека?

Судить нельзя, но разве нельзя защищаться? Разве нельзя защищать свой дом, свою семью, — свое, дорогое и любимое, рел<игиозно>-фил<ософское> общество?

Все последние дни я беспрерывно задавала себе вопрос: что происходит в р<елигиозно>-ф<илософском> обществе — суд или самозащита? Если самозащита — общество право. Если суд — происходит что-то страшное, позорное, больное, м.б. преступное.

Вчера, как только началось заседание, с первого слова первого оратора¹ — я вдруг почувствовала, что мысль о самозащите была иллюзией. Происходит суд, самый явный. Мало того, — он должен произойти, — я поняла это, слушая Карташева, Философова, Гредескула и того оратора, кот<орый> собирался защищать ритуал². Все мы судим Розанова, — можем оправдать или обвинить его, но лишь после суда. Я говорю, «все мы» (хотя присутствую в этом обществе, конечно, только как член-соревнователь), п.ч. все мы составляем себе мнение и отношение к этому делу; т<a>к неважно, напишу ли я свой приговор на записке, прокричу ли его, с места или с кафедры — или произнесу в сердце своем. Происходит суд, я принимаю в нем участие, мне больно, мне страшно, я мучаюсь, волнуюсь, терзаюсь, — но то, что совершается, — неизбежно. Значит, есть грехи такие, от которых отказаться нельзя. — Я убеждена, что общество вчера осудило Розанова. (Меня возмущает в этом акте больше всего то, что его осудили посредством принятой резолюции. По-моему это самый ужасный способ. Ведь что, в сущности, говорит эта резолюция? Как понять ее? «Василий Васильевич, мы осудили Вас и очень хотели бы исключить из общества, но мы для этого слишком совестливы. Будьте добры, исключите сами себя, чтоб совесть нас не мучила»³. Разве можно увидеть в этой резолюции иной смысл? По-моему — это прямо позорно. Свой грех мы (т.е. все почти присутствовавшие) свалили на его голову, — захотели, чтоб он, и без того грешный, и без того ответственный, — принял бы и наше деяние на свою ответственность, сам освободил бы нас от себя! О, лучше б они прямо исключили Розанова! Это было бы грешнее, ответственнее, — но лучше, лучше было принять на себя больший грех, большую ответственность, чем заставлять его выводить нас из лабиринта...).

Да, его осудили и это был грех. Но ведь убивать — тоже грех, — а бывает, что люди прекрасные, светлые, чистые сердцем, — в известных условиях идут добровольно убивать. Знают, что это грех, мучаются, терзаются, но идут.

Минутами, когда я присутствовала на этом суде, — я думала: мне потому так тяжело, что судят Розанова, автора книги о Великом Инквизиторе и статей о религии, кот<орые> дали мне так много. Потом я поняла, что это неправильно. Я бы то же самое ощущала, если б судили Меньшикова, Столыпина⁴, — кого угодно. Судят человека, — просто человека. Этот момент был для меня главным...

Вы, Вячеслав Иванович, натолкнули меня на новую мысль.

Теперь я перехожу к вопросу, ради кот<орого> начала Вам писать. Это вопрос о подсудности писателя, к<a>к человека несущего на себе печать дара духа святого. — Вы скажете, что я противоречу себе, что если человек вообще неподсуден человеку, то писатель, конечно, тоже неподсуден. Но в том-то и горе, что я и этого основного вопроса еще не решила. Мне кажется, что нельзя судить, нельзя убивать, — а может быть и можно это делать?! И есть случаи, когда нужно судить и убивать. И, уж конечно, вчера нельзя было не судить Розанова. Философов прав, «жизнь требует сделать выбор, культурным воздержанием вопроса не решить»⁵. Если т<a>к — почему нельзя судить писателя?? Я не понимаю и решила просить Вас объяснить мне это.

Если я плохо запомнила Ваши слова — я извиняюсь и, конечно, беру назад написанное мною. Но мне кажется, я поняла Вас именно так, к<a>к Вы хотели быть понятым. Если память меня не обманывает, — Вы сказали следующее:

«Писатель несудим. Если его судят — он и потомство посмеются над этим судом. Если бы Роз. был общественным деятелем, призывающим к погрому, — я бы первый настаивал на всяческом его опозорении, не только исключении. Но когда я встречаю утверждения, с этической точки зрения парадоксальные, больше того, омерзительные, отвратительные, но в связи с писательской деятельностью, — то Розанов за них суду не подлежит»⁶.

И потом еще: «Не судите и не исследуйте писателя».

Почему, Вячеслав Иванович?! Если бывают случаи, когда необходимо произнести свой суд над человеком (пусть этим берется на душу грех!) — то всеконечно можно произнести свой суд над писателем! Ведь не даром же сказано, что кому много дано, с того много спросится. Велика ответственность писателя, т<a>к велика, что кружится голова, когда представляешь себе всю полноту ее, — но разве подсудность писателя народному чувству, народной совести — не входит в круг этой ответственности? Разве не из сознания своих падений, своих грехов и, никому м.б. неведомых во всей полноте, тайных пороков, — вырастают вдохновенные, гениальные произведения? Разве может никогда не грешивший человек захватить нас, увлечь, заставить трепетать наши души, - сделать нас понимающими и прощающими чужой грех? Мы преклонимся издали перед безгрешным человеком, мы умилимся, мы м.б. позавидуем, — но не ему дано потрясти нас, пронзить нас своим страданием и искуплением. Разве грешная молитва не самая жаркая? И разве Вы, оправдав заранее писателя, изъяв его из-под суда, объявив, следов<ательно> неответственным за свои грехи — разве Вы не убиваете самую силу, самую душу его писательства? Разве Вы не ослабляете заранее то, что он напишет? Живую историю грешной, томящейся, борющейся души не превращаете ли в высокомерную проповедь?

И, наоборот, неужели подсудность писателя умалит, унизит хоть на самую малую долю его подвиг?! Нет и нет! Писатель может и должен быть

судим и осужден. Других скорее можно пощадить, а его — нет; чтобы быть писателем, он должен выстрадать себя, падать, грешить, подниматься, — и не втайне, не потихоньку, а всенародно. На то он писатель. Его страдания, его язвы должны быть открыты. Его душа принадлежит нам, п.ч. он пришел в мир, чтобы отдать нам душу свою. Вы позволяете судить обществ<енно>го деятеля, адвоката, демагога, — к<a>к Вы можете изъять из-под нашего суда писателя? Ведь он пришел не для радости, не для наслаждений и не на то, чтобы быть выше нас и величаться своей неподсудностью, безгрешностью. Он пришел на подвиг. Вспомните, в подвиг Христа входило быть сужденным и осужденным. И то, что суд этот (с нашей точки зр<ения>) неправый, — может быть особенно важно. Дело даже не в правильности обвинений, а в принципе подсудности.

Вы сказали вчера, что нам пришлось бы осудить Достоевского. Да кого же из гениальных писателей судили так усердно к<a>к его?! И судили, и осудили. Но умалило ли это нам Достоевского? Не приобрели ли его слова особую силу и особый смысл, именно пот<ому>, что это были слова осужденного гения, осужденного пророка. И не потому ли он особенно потрясающе изобразил нам людей судимых и осуждаемых, что сам был таким? Не побледнели ли бы его страницы, если б при жизни к нему применяли теорию неподсудности, к<a>к Вы к Розанову? А Пушкина разве не судили? Стал ли он от этого менее Пушкиным? Вячеслав Иванович! Неужели не ясно, что — наоборот, что он проявил себя во много раз сильнее, когда услышал суд над собой, — сначала правительства, потом толпы холодной, потом друзей...

Грандиозное, гениальное De Profundis Уайльда ни в каком случае не могло быть написано до суда и наказания.

Разве не судили современники Гоголя, Тургенева? Судили, осуждали. Смеялись ли они над этим судом? Никогда! («сквозь невидимые миру слезы», — это не тот смех, о кот<ором> Вы вчера говорили.) Они переживали это, к<a>к ужас, к<a>к скорбь, к<a>к напрасное, незаслуженное, но глубокое страдание. — Горький, осудив Худож<ественный> театр, разве не сделал его работу еще тяжелее, еще радостнее, еще святее?!⁷ И опять скажу: если осуждают артиста, художника, то не тем менее, а тем более подсуден писатель.

Вы скажете, — подсуден себе, м.б., Богу — но не нам. Да разве глас народа не глас Божий? Разве не надлежит писателю здесь на земле жить, здесь творить, для нас писать, среди нас страдать и от нас услышать свой суд?

Мое письмо разрослось гораздо больше, чем я думала. Я не умею выражать свои мысли, но я надеюсь, Вы поймете то, что я высказала т<a>к сбивчиво и неясно. Если у Вас есть возможность, — ответьте мне, Вячеслав Иванович, к<a>к понять мне Вас и к<a>к примирить с Вашей мыслью все, что я здесь высказала и во что я верю.

Я тороплюсь кончить и не утруждать более Ваше внимание. Поэтому, удерживаюсь и не высказываю многого, что хотела бы прибавить. Но все же я чувствую необходимость пояснить, почему Ваш ответ на мои вопросы представляется мне таким важным, — почти необходимым для меня.

Книг Ваших я еще не читала. К<a>к писателя, знаю Вас понаслышке. Как личность, — абсолютно не знаю. Но я слышала Ваше выступление на предыдущем заседании рел<игиозно>-фил<ософского> об<щест>ва, где Вы упорно хотели поставить вопрос, терзавший меня тогда: достойно ли это судопроизводство рел<игиозно>-фил<ософского> об<щест>ва?⁸ — Потом я слышала Ваши выступления по поводу символизма, — на том же заседании (где для меня особенно важно было, что Вы заступились за любимого моего Тютчева⁹) и на диспуте, в зале Биржи¹⁰. И меня поразило, как много в Ваших речах такого, что я сама давно думала — и вместе с тем много совершенно нового, но это новое воспринимается моим сознанием так свободно, радостно и легко, к<a>к будто я давно это слышала и лишь забыла. — Затем я слушала Вашу лекцию о границах искусства¹¹. Скажу прямо, что не все было мне понятно, но то, что я могла понять — еще усилило во много раз мои прежние впечатления. И после этого я с громадным нетерпением ждала Вашего выступления по делу Розанова. — Скажи эти слова о неподсудности писателя кто-ниб<удь> другой, — я м.б. не остановилась бы на них т<a>к внимательно. Но у Вас — они не случайны. Они указывают мне на что-то большое и сильное, но непонятное мне. И я пытаюсь вдуматься в них. В результате — пишу это письмо.

М.б. не следовало бы мне обращаться к Вам, отнимать у Вас время. К тому же Вам не представит интереса отвечать мне, слишком юной и незначительной. Тем не менее я решаюсь просить Вас об ответе, — хотя бы потому ценном и важном для меня, что вопрос писательства, отношений писателя к Богу и миру, — для меня вопрос насущной важности, почти необходимости. Пусть это послужит мне в Ваших глазах оправданием.

Нечего и говорить о живейшей благодарности моей, если Вы т<a>к или иначе ответите на это письмо.

Искренне уважающая Вас
Е. Тагер.

СПБ. Моховая, 4, кв. 15
Ел. Мих. Тагер.

РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 15. Л. 1–8 об.

¹ На заседании 26 января первым выступал А.В. Карташев: впрочем, первая его реплика носила технический характер: он предложил избрать председателем заседания М.И. Туган-Барановского, который, открыв заседание, вновь передал слово Карташеву.

² Антон Владимирович Карташев (1875–1960) — историк церкви, богослов, философ. Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940) — публицист и литера-

турный критик. Наряду с Карташевым — один из организаторов и членов совета Религиозно-философского общества. Николай Андреевич Гредескул (1865–1941) — юрист, депутат Государственной думы, либеральный публицист. Под оратором, защищающим ритуал, Тагер, вероятно, подразумевает священника К.М. Агеева, который рассматривал вопрос о правомочности Общества «исключить кого бы то ни было и за что бы то ни было» [9, с. 413].

³ Резолюция, за которую проголосовало большинство, гласила: «выражая осуждение приемам общественной борьбы, к которым прибегает Розанов, Общее Собрание действительных членов Общества присоединяется к заявлению Совета о невозможности совместной работы с В.В. Розановым в одном и том же общественном деле» [9, с. 452].

⁴ Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918; расстрелян) — консервативный публицист. Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911; убит) — министр внутренних дел и председатель совета министров.

⁵ В стенограмме это место речи Философова выглядит так: «Культурным воздержанием вопроса не решишь. Надо сделать выбор. Жизнь этого требует» [9, с. 399].

⁶ Тагер имеет в виду следующее место из речи Вяч. Иванова: «Если бы Розанов устно или письменно высказался буквально так: господа, поднимайте погромы, — если бы он призывал к кровопролитию, тогда подобные призывы выпадали бы из сферы писательской деятельности и подлежали бы суду, как заявления, манифестации общественного деятеля, и я тогда первый стоял бы за всевозможное опозорение Розанова.

Но здесь дело иное. Я встречаю с его стороны заявления, может быть, мне непонятные по своей психологической и этической связи, заявления парадоксальные, больше того, отвратительные, внушающие глубокое омерзение, — но если это омерзительное стоит в связи с писательской деятельностью, то здесь мой суд умолкает; писатель, целиком взятый, столь нежный и целостный организм, что разбивать его на части и вырывать их из контекста нельзя. Тогда пришлось бы исключить и Достоевского, и Сологуба, и, конечно, Мережковского исключили бы 100 раз и т.д. Мы исключили бы и Гоголя, если бы жили в эпоху “Переписки с друзьями” и проч., и всякий раз поступали бы смешно и непродуктивно» [9, с. 437].

⁷ Подразумевается резкое выступление М. Горького (статья «О карамазовщине») против намерения Московского художественного театра поставить спектакль по роману «Бесы».

⁸ Имеется в виду заседание религиозно-философского общества, состоявшееся 19 января 1914 г. в малом зале Русского географического общества (повестка его сохранилась в архиве Иванова: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 3. Л. 4; другой экз.: РНБ. Ф. 353. Ед. хр. 305; заявка и программа: РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 1). В повестке стояло два вопроса — исключение Розанова и доклад Г.И. Чулкова «Оправдание символизма». Стенограмма этого заседания не сохранилась или не разыскана, но подробные записи о нем оставили присутствовавшие на заседании М.М. Пришвин (в дневнике) и Л.В. Розенталь (в воспоминаниях). Пришвин, в частности, писал: «Не хватало кворума для обсуждения вопроса, но бойцы рвались в бой: всеобщее негодование по поводу этой затеи Мережковского. Сутолока, бестолочь, какой-то армянин в решительную минуту добивается слова, чтобы сказать: “В Религиозно-философском обществе аплодисменты не допускаются”. Кто-то просит изменить “параграф”. Гиппиус же [молчит] и щурится, изображая кошечку. Карташов взводит очи горе. Мережковский негодует. Вячеслав Иванов настроился на скандал» [8, с. 17]. Ср.: «Розоволицый, в золотом пенсне, в нимбе никак не подобающих солидному человеку пушистых светлых кудрей, весь какой-то неправдоподобный, до ужаса похожий на свои портреты, Вячеслав Иванов оказался подлинно, по шутивому прозвищу, придуманному для него Александром Блоком, “Языком Чесаловым”. Чего только он не наговорил! Говорил спокойно, веско, убежденно. Его доводы могли бы сойти за математические формулы. Моральной сути он не касался,

и казалось, что поистине это не имеет никакого отношения к писателю столь высокого ранга, чуть ли не “сверхчеловека” Ницше, как Розанов» [10, с. 543–544; ср. с. 546]. Хроникер «Нового времени», заведомо сочувствовавший Розанову, писал: «На собрании прибыло всего 38 действительных членов при общем числе в 140; было однако очень много членов-соревнователей и членов-сотрудников, учащейся молодежи, дам. Избранный в председатели Е.В. Аничков предоставил слово Д.В. Философому. От имени совета общества г. Философов заявил, что по уставу для решения дела об исключении члена из Религиозно-Философского общества требуется наличие двух третей общего числа проживающих в Петербурге членов общества, т.е. 86 человек; этого числа нет, следовательно, вопрос в настоящем собрании обсужден и решен быть не может и переносится на следующее собрание, которое будет создано в самом ближайшем времени. Члены общества, не заявившие о невозможности прибыть на вторичное собрание, будут считаться выбывшими из Петербурга. На кафедру уже взошел г. Чулков с докладом об оправдании символизма, как среди собрания раздались голоса, что все-таки следовало бы высказаться по такому несслыханному делу, как исключение члена из Религиозно-Философского общества. <...> Поэт Вяч. Иванов заявил, что чисто принципиальное дело, как исключение того или другого лица из Религиозно-Философского общества, должно быть обсуждено немедленно же. Вяч. Иванов в заключение своей речи предложил совету общества просто снять с повестки пункт об исключении В.В. Розанова» (*Б.л.* Дело В.В. Розанова // Новое время. 1914. № 13 599. 20 января. С. 5). См. также: [13, с. 139–140].

⁹ Текст выступления Иванова в полемике по поводу доклада Чулкова «Оправдание символизма» нам неизвестен. О его (наряду с Д.С. Мережковским) выступлении сообщалось в газетах, см.: *Б.л.* В религиозно-философском обществе // Речь. 1914. № 19. 20 января. С. 3. 23 января, вероятно, прочитав эту заметку, В.К. Шварсалон писала Иванову: «Пока о Вас знаю из газет, в которых повсюду сказано, что Вячеслав Иванов нашел “недостойной” постановку вопроса о выключении Розанова» (цит. по: [13, с. 139]).

¹⁰ Имеется в виду доклад, прочитанный Ивановым 20 января 1914 г. на «Диспуте о современной литературе» в Большом белом зале Калашниковой биржи в Петербурге. Стенограмма речи опубликована (вместе с докладами Г.И. Чулкова и Ф. Сологуба) под общим заглавием «Символисты о символизме»: Заветы. 1914. № 2. Отд. II. С. 80–84. Позже текст выступления лег в основу «Экскурса о секте и догмате», вошедшего в сборник статей Иванова «Борозды и межи» (М., 1916).

¹¹ Лекция «О границах искусства» была прочитана Ивановым в тот же петербургский приезд, 22 января 1914 г. в концертном зале Тенишевского училища в Петербурге. Успех ее широко обсуждался в прессе, см., напр.: «Предстояла заманчивая перспектива — заглянуть в самые глубины творчества, в таинственную лабораторию творческого духа, проследить возникновение и рост художественных образов, — и, пожалуй, даже, сделать несколько шагов в этой лаборатории: ведь, проникаясь творчеством поэта, разве не творим мы и сами, хотя бы отчасти? В качестве проводника на этом трудном пути предложил свои услуги поэт Вячеслав Иванов. И, разумеется, выполнил свою роль блестяще... <...> Лектора наградили дружными аплодисментами и цветами» (Биржевые ведомости. 1914. № 13966. 23 января, утр. вып. С. 3). Краткие упоминания о лекции см. также: *Д.Ц.<ензор>*. Вячеслав Иванов // Златоцвет. 1914. № 4. С. 15. Более развернутый отзыв появился в газете «Речь»: «Изысканная, сдержанная лекция Вяч. Иванова была, пожалуй, слишком специальная для той молодой публики, которая собралась в Тенишевском зале. Лекция скорее подошла бы для более интимного и притом более подготовленного в вопросах психологии и философии общества. Но сама по себе обработка темы отличалась стройностью, и если заслуживает какого-либо упрека, то разве только в известной схематичности построения» (Вяч. Иванов о границах искусства // Речь. 1914. № 245. 23 января. С. 4). Текст ее напечатан: Труды и дни. 1914. № 7. С. 81–106; также вошел в сб. «Борозды и межи».

4. Н.А. Рубакину. 17 / 30 мая 1914. Ecublens.

Ecublens 30/V 14.

Дорогой Николай Александрович!

Я сейчас нахожусь в самом плачевном состоянии. Проф. Mermod¹ принялся за мое лечение так энергично, что у меня никаких сил не хватает. Почти ежедневно производит мучительные прижигания носа и горла, после кот<оры>х я чувствую себя совершенно разбитой. Бесконечное количество ночей не сплю и, в довершение всех удовольствий, мучаюсь с страшными головными болями. При таких условиях, нечего и думать о серьезном чтении. И оно у меня совсем замерзло <sic>, — или, во всяком случае, двигается оч<ень> медленно. Вот почему я так задержала Ваши книги. Мне оч<ень> неловко и я оч<ень>, оч<ень> извиняюсь. Меня страшно бесит такое вынужденное и мучительное ничегонеделание, тем более, что к<а>к раз мною владеет страшно рабочее настроение, одолевает жажда творить, строить, читать, думать... А тут вот — лежи и болеей душой и телом...

Я все же надеюсь, что через неделю, приблизительно, Mermod кончит свои эксперименты. Тогда помчусь к Вам! А пока, — если бы Вы, Николай Александрович, захотели утешить свою страждущую читательницу, прислав ей мартовский и апрельский №№ Р<усской> Мысли, — Вы сделали бы истинно-доброе дело...

Есть еще длинный ряд книг, кот<орые> хотелось бы мне у Вас просить, — но это, вероятно, уж при личном свидании. В ожидании его, крепко жму Вашу руку и от души желаю всего, всего хорошего.

Ваша Ел. Тагер.

Ecublens (Vaud) pris de Renens. M-me Bächler².

РГБ. Ф. 358. Карт. 278. Ед. хр. 47. Л. 7–8 об.

¹ Артур Мермо (Arthur Mermod; 1852–1915) — швейцарский врач, специалист по болезням гортани. С 1902 г. возглавлял кафедру оториноларингологии Лозаннского университета и заведовал соответствующим отделением больницы кантона Во.

² Экублян — местность в кантоне Во, фактически — пригород Лозанны. Bächler (имя которой нам неизвестно) — владелица пансиона, вероятно, специализировавшегося на русских студентках: по крайней мере, Рубакин отправил туда в поисках места еще одну соискательницу, Цецилию Осиповну Рабинович. 11 июля 1914 г. она рапортовала ему: «Списалась с m-lle Тагер и, вероятно, устроюсь в Ecublans'e <sic>» (РГБ. Ф. 358. Карт. 266. Ед. хр. 30. Л. 15). Этот же адрес пансиона Bächler она сообщила ему в письме от 16 июля: «Вчера приехала сюда. Пока сижу еще очень непрочно, т<а>к к<а>к комнат нет. Возможно, что будет, возможно также, что мне придется искать комнату в ближайшей деревне. Т<а>к или иначе до субботы, вероятно, все устроится» (Там же. Л. 17).

5. Н.А. Рубакину. 29 мая / 11 июня 1914. Ecublens

Ecublens 11/VI 14.

Глубокоуважаемый Николай Александрович.

Ваше письмо глубоко тронуло меня, как новое доказательство Вашего отношения ко мне, — чувствую, — совершенно незаслуженного.

Я не ответила сразу, потому что рассчитывала в один из ближайших дней приехать в Clarens. Но — человек предполагает, а Бог располагает: одолели головные боли (занятие, по которому я издавна специализировалась). Ни днем, ни ночью, буквально, нет покоя; сейчас напр. я положительно с трудом держу перо. Так что мой sejour¹ в Швейцарии на этот раз явился для меня одной сплошной неприятностью. О поездке в Женеву нечего и думать, потому что помимо общего скверного состояния, я не хочу ночевать ни в Женеве, ни в Лозанне. Г-же Виленской я об Вашем реферате сообщила и она, сначала, приняла это близко к сердцу, а затем выяснилось, что у нее жестокая инфлюэнца². Так мы с ней взаимно друг друга ободряем...

Как только воскресну немного — явлюсь к Вам. Пока — всего, всего лучшего.

E. Tager.

РГБ. Ф. 358. Карт. 278. Ед. хр. 47. Л. 9–11.

¹ Пребывание (фр.).

² В архиве Рубакина хранятся два письма за подписью «Н.Г. Виленская»; оба они представляют собой довольно витиеватые извинения за задержку библиотечных книг. Одно из них отправлено из Лозанны. На конверте с ними пометка: «Наталья Герасимовна Виленская» (РГБ. Ф. 358. Карт. 214. Ед. хр. 11).

6. Н.А. Рубакину. 3/16 июля 1914. Ecublens

Многоуважаемый Николай Александрович.

Страшно жалела, что не застала Вас дома. — Вы не сердитесь, что я не поехала тогда с Вами по озеру? Я не решилась из-за погоды и, кроме того, пришлось бы слишком рано встать, — часов в 6, — а на это меня не хватило...

Мне крайне интересно знать, писали ли Вы г-же Инессе Менделевне Янковской¹ (кажется — не уверена — в фамилии) и получили ли ее разрешение начать хлопоты о стипендии? Дело в том, что Madame Винавер, которую

могла бы устроить это дело, находится сейчас в Château d'Oex², — удобный случай для письменного и личного воздействия...

Всего лучшего! Надеюсь с Вами увидиться в непродолжительном времени.

Е. Тагер.

РГБ. Ф. 358. Карт. 266. Ед. хр. 30. Л. 18–18об. Хранится среди писем Ц.О. Рабинович, представляя собой постскрипtum к ее письму от этого числа.

¹ В архиве Рубакина хранится несколько десятков писем лица, которое в описи именуется Гнесса (так!) Менделевна Янковская. (Вероятно, все-таки Инесса, но главное «!» она действительно пишет похоже на «Г»). Некоторая их часть помечена городом Глуховым Черниговской губернии. Из рассеянных по ним биографических данных следует, что Янковской в 1912 году 18 лет, она родилась «в мелкой купеческой еврейской семье», подала бумаги на Бестужевские курсы, но не была принята. Рубакин предлагал ей ехать за границу учиться, обещая финансовую помощь неназванной благотворительницы (вероятно, с этим эпизодом и связано письмо Тагер). Это предложение Янковская отвергла. Со временем переписка приобретает более задушевный характер: так, она обращается к Рубакину «Радость моя, утешение мое, далекий, светлый друг!» (РГБ. Ф. 358. Карт. 291. Ед. хр. 4. Л. 18). Последние сведения от нее относятся ко времени обучения в Киеве. Скорее всего именно она — Агнесса (!) Менделевна Янковская, родившаяся в Глухове в 1894 г. и арестованная в 1944 г. в городе Кирове, где она работала помощником бухгалтера на мясокомбинате (<http://lists.memo.ru/d38/f389.htm>).

² Можно предположить, что речь идет о жене М.М. Винавера, Розе Георгиевне Винавер (урожд. Хишиной; 1872–1951), но никаких фактов ее финансовой поддержки русских студенток в Швейцарии мы не знаем. С другой стороны, Тагер несомненно была знакома с семьей Винаверов: в частности, именно у них она познакомилась в 1915 г. со своим будущим мужем Г. Масловым [5, с. 306]. Château d'Oex — городок в кантоне Во.

7. Н.А. Рубакину. 13/ 26 августа 1914. Лозанна.

Lausanne 26/VIII 1914.

Глубокоуважаемый Николай Александрович. Обращаюсь к Вам еще с рядом просьб. Прежде всего убедительно прошу Вас воздействовать на М. П. Воронцова¹, чтоб он, если доберется до СПб., во что бы то ни стало передал моему отцу² приложенное письмо. Если он это исполнит, то действительно сделает для нас страшно много.

2-ая просьба: умоляю Вас, приложите все усилия, сделайте все возможное, чтоб достать мне наличными 100 frs (в кр<айнем> случае 80), хотя бы под вексель на каких угодно условиях, за какие угодно проценты³.

Без этих денег мы не сумеем уехать с пароходом, кот<орый> из Генуи идет 1-го окт. Нужно доехать от Брига до Генуи, это во 1-х, а во-вторых,

необходимо заплатить проприетеру⁴ нашего пансиона. Он держит нас в кредит и будет держать, но без денег не выпустит.

Попали мы сюда по рекомендации русской дамы М-ме Абрамович⁵, кот<орая> отчасти знает нас по прошлому году, отчасти основывается на рекомендации Вашей, Фрейфельдов⁶ и Скаржинской⁷. В пансион нас взяли собственно без всякого ручательства, п<отому> ч<то> все наименованные лица здесь неизвестны, кроме М-ме Абрамович, кот<орая> даже не особенно большим кредитом пользуется. Т<ак> что висим на волоске над пропастью и ждем 100 фр., без кот<оры>х не уехать.

Скаржинская взялась за нас поручиться, но больше ни указаний, ни советов мы от нее не имели. Ее не видели, — переговоры велись заочно. Сутер⁸ ничего сделать не смог. С ним виделась Циля⁹.

Книги все послала contre le remboursement¹⁰, без доставки на дом, — 2 пакета.

Спасибо Вам сердечное за помощь, а главное за участие, за доброе отношение. Слова всякие тут излишни, я не в состоянии выразить, как много значит для меня Ваша поддержка.

Преданная Вам Е. Тагер.

Loussanne (Poste Restante)

или

Pension Petermann. Villa Stores. Verdonnet pris du Pont de Chailly.

P.S. Ради Бога, дайте немедленно знать, есть ли надежда получить 100 фр.

РГБ. Ф. 358. Карт. 278. Ед. хр. 47. Л. 12–12 об.

¹ Это лицо нам неизвестно. Можно предположить, что Тагер путает инициалы социолога Василия Павловича Воронцова (1847–1918) и его жены Марии Петровны Воронцовой (1861–?): оба они жили в Швейцарии и состояли в переписке с Рубакиным.

² Отец Елены Михайловны, Михаил Михайлович Тагер, железнодорожный служащий.

³ Возможно, это отчасти удалось: среди писем Тагер хранится вексель следующего содержания: «50 фр. согласно условию, заключенному с г-жой Ждановой будут мною высланы ее брату в Харьков, по адресу, кот. она мне передала. Е. Тагер». Вероятно, денежную помощь оказала Нина Николаевна Жданова, корреспондентка Рубакина.

⁴ Владелец; от франц. propriétaire.

⁵ Это лицо нам неизвестно.

⁶ Лев Владимирович (Лейб Вульфович) Фрейфельд (1863–1935) — революционер-народник, мемуарист.

⁷ Екатерина Николаевна Скаржинская (1852–1932) — украинская помещица, выпускница Бестужевских курсов, создательница музея в г. Лубны. В 1910-е жила в Лозанне, занимаясь благотворительностью, позже вернулась в Россию.

⁸ Антон Сутер (1863–1942) — доктор права, администратор народного дома в Лозанне (Maison du Peuple de Lausanne), в работе которого Рубакин принимал участие.

⁹ Цецилия Осиповна Рабинович (1887–1950). Уроженка Подольской губернии. Окончила Одесскую гимназию, была арестована за революционную пропаганду, бежала из России. Жила в Вене и Женеве, где закончила медицинский факультет университета. Вернулась в Одессу после 1917 г., работала в ВОКСе, Всесоюзном радиокомитете и Библиотеке иностранной литературы. Ее письма к Рубакину — существенный источник для биографии Е.М. Тагер швейцарского периода.

¹⁰ Наложённым платежом (*фр.*).

8. А.А. Блоку. 28 января 1915. СПб.

28.I.15.

Многоуважаемый Александр Александрович.

Простите это смелое, быть может — даже дерзкое обращение. Оно вызвано большой любовью к Вам, к писателю, верой в Вас, к ценителя.

К Вам много раз, вероятно, обращались начинающие поэты, прося Вас высказать свое мнение. Над такими просьбами все смеются — и Вам, может быть, они тоже кажутся чем-то скучным и смешным. Но ведь и Вы когда-то начинали. И Вы сомневались, не верили, искали себя, боролись с собой. Вы знаете, что бывают моменты, когда нужно, нужно знать правду о себе — какова бы она ни была.

Просмотреть мои стихи для Вас — дело нескольких минут. Для меня Ваше мнение имеет значение решающее.

Если прилагаемые стихи заслужат какой-либо отзыв с Вашей стороны — будьте добры направить ответ Елене Михайловне Тагер¹. Вас. Остров, Волховской 2, кв. 30².

Искренне Вас уважающая

Е. Тагер.

РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 421. Л. 1–2 об.
Помета Блока: «Отв. 28.1».

¹ Ответ на это письмо Тагер приводит в воспоминаниях [2, с. 303].

² Новая квартира родителей Тагер. См.: [5, с. 306].

9. А.А. Блоку. 30 января 1915. СПб.

30 января 1915 г.

Многоуважаемый Александр Александрович.

Хочется сказать Вам спасибо за Ваш внимательный ответ. — И еще — спасибо за урок. Конечно, я согрешила против той скромности, кот<орая> возникает, если человеком владеет нечто большее, чем свое «я». Но — это большее — ведь оно тоже я, оно мое, оно не извне приходит. Любовь, вера — вот большее чем «я» — говорите Вы. А если любовь обманывает и уходит, оставляя темноту и пустоту и мутный, горький осадок? Если нет творящей огненной веры, той веры, что двигает горами — и есть только вера-доверие, вера-беспомощность, вера маленького человека — и то не всегда, не часто, не надолго... Что тогда? Значит ли это, что любовь, вера — обман и призрак? Нет, они реальнее всех реальных ценностей мира. Но я, мое «я» — в нем чего-то нет — или что-то есть ненужное, враждебное. И нужно очистить, выстрадать себя («сделать себя» — говорите Вы). Как? Что я знаю о себе, о своем я? Разве я понимаю, что во мне происходящее и что поддельное, от чего мне нужно отвлечься, что — растить и беречь? Я ничего, ничего не знаю. — «Другие не помогут». Вы правы, конечно. И не помогут, и не скажут. А все-таки пытаешься подойти к другим. Мы все одиноки и все переживаем свое одиночество по-своему. Иные находят опору в самом себе или создают себе какое-ниб<удь> дело — суррогат жизни. А я хочу выйти на свет Божий, посмотреть в людские глаза, хочу разбить эту стену стеклянную, что встала между людьми и мной (или между мною и людьми?). Ничего никогда не выходит. Нет таких слов, которыми можно сказать самое главное, основное. Нет того слияния душ, которого ждешь и жаждешь — и, должно быть, не может быть.

Благо тем, кто любит «мечты своей созданы»¹. Я могу любить и верить без предела — но нуждаюсь в жизненном основании любви и веры. Знаете, к<а>к морской моллюск может создать жемчужину только если в раковину его попало какое-ниб<удь> «основание» — хотя бы песчинка земная.

Идешь к «другим» — а они уходят; если остаются — оказывается, что это не то, не нужное. Тогда поднимается гордость протеста. Хочется себя, свое «я» полюбить и в него поверить, — свое «я» противопоставить миру. Довольно смиряться и искать: нужно быть свободным и сильным. В такие минуты я пишу стихи («делаю строки»).

Такие минуты проходят и опять ничего не знаешь о себе, о жизни, о правде. Тогда хватаешься за «указание со стороны». И чем больше расту, тем больше переживаю, тем труднее подойти к другому, тем сложнее и больше этот подход.

Простите — сейчас спохватилась, что увлеклась и пишу слишком много.

Еще раз — спасибо.
С искренним уважением

Е. Тагер.

P.S. Стихи я хотела бы получить обратно. Может быть, Вы были бы добры указать мне, когда можно за ними зайти? Или оставите пакет на мое имя?

Вас. Остр. Волховской 2 кв. 30.

РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 421. Л. 3–6.

¹ Неточная цитата из стихотворения Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен...».

10. А.А. Блоку. 4 февраля 1915. СПб.

Вас. Остров. Волховской пер. 2 кв. 30

4 февр. 915 г.

Многоуважаемый Александр Александрович.

Вчера я получила мои стихи. Большое спасибо Вам, — особенно за отметки¹.

Нет, я никогда не думала, что одиночество — условное понятие. Наоборот, мне кажется, что если есть на земле что-нибудь «абсолютное», неизбежное и роковое, — то это именно одиночество. Из него, мне кажется, вытекают почти все наши действия (и уж наверное — большинство наших ошибок).

Жизнь разрешает сама то, что казалось неразрешимым — говорите Вы². Да, но она же т<a>к запутывает нас, создает такие осложнения, кот<оры>х ни разрешить, ни пережить нельзя.

Я очень ясно сознаю, что чаще всего следует предоставить жизни идти, к<a>к она хочет — и терпеливо ждать ее решающего слова. Но почему, скажите, невозможно сдерживать себя и не вмешаться; почему ты стремишься «помочь» жизни, — направить, изменить ее ход. И почему хочется всегда самому разрешить непонятное, самостоятельно найти выход из тяжелого? Страшно то, что при всяком действии нужно совершить выбор. И он всегда совершается с болью и борьбой.

В каждом из нас — несколько людей и все они в борьбе друг с другом, говорите Вы. Это т<a>к, конечно. — Борьба всегда кончается чьей-нибудь победой. Кто же, по Вашему, побеждает, скажите? Я знаю одно: побеждает не самый сильный и не тот, кто прав. А кто — я не знаю. И это загадочно и страшно, к<a>к все в жизни.

И потому я говорю: «Себя понять всего труднее»³... (в том стихотворении, кот<ор>ое сердито подчеркнул Ваш карандаш).

Идти в мир я могу только «себя понять», найди и укрепив в себе свое несомненное, внутреннюю правду свою (если только есть она, — потому что наверное я этого не знаю). Не только почувствовать, поверить, но и понять, — себя, Вас, жизнь, все. Это нужно. И это не в моей власти. — «О, смертной мысли водомет. Какой закон непостижимый тебя стремится?...»⁴ Для меня будет большой радостью, если Вы ответите.

С искренним уважением

Е. Тагер.

P.S. Я не понимаю и хотела бы знать, — что такое, по Вашему, «бескорыстие», которое, вместе с искренностью, вы считаете «главным».

РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 421. Л. 7–8 об.

Помета Блока: «Не поняла. Не отв.»

¹ Ср. в воспоминаниях: «Когда рассеялся туман первого восторга, я опять написала ему. Поблагодарила за внимание, поблагодарила “за урок” (при всей юной самонадеянности, я все же поняла, что дан мне урок нешуточный) и упомянула, что мне хотелось бы получить обратно стихи. Еще день — два — и опять письмо в белом конверте, на этот раз — заказное, полновесное. В письме — мои стихи; и почти на каждой странице — признак того, что их не «просматривали», а ответственно и внимательно читали. Кое-что обведено тонкой чертой, иное заключено в скобки, а в одном месте его карандаш сердито отчеркнул две строчки и против них четко написал: “Этого нельзя”. Это — именно те строчки, где неуклюжий, неловкий оборот создавал, как я поняла позже, впечатление двусмысленности» [2, с. 303].

² В мемуарах Тагер цитирует записку Блока: «В каждом человеке несколько людей, и все они между собой борются. И не всегда достойнейший побеждает. Но часто жизнь сама разрешает то, что казалось всего неразрешимей» [2, с. 303].

³ Этого стихотворения мы не знаем.

⁴ Из стихотворения Тютчева «Смотри, как облаком живым...».

Литература

1. Александр Блок в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста и коммент. Вл. Орлова. М.: Худ. лит., 1980. Т. 2. 546 с.
2. Воспоминания Е.М. Тагер о Блоке / Вступ. ст., публ. и коммент. З.Г. Минц // Труды по русской и славянской филологии. IV. Тарту, 1961. С. 296–303. (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 104)
3. *Генис В.Л.* Неверные слуги режима. Первые советские невозвращенцы (1920–1933): опыт документального исследования: в 2 кн. Кн. 2: «Третья эмиграция» (1929–1933). М., 2012. 815 с.
4. *Левин Л.* Такие были времена. М.: Сов. писатель, 1991. 397 с.
5. *Маслов Г.* Сочинения в стихах и прозе. Материалы к биографии / сост. В.В. Нехотин, И.Г. Девятьярова. Омск: Тип. «Золотой тираж», 2020. 440 с.
6. *Носова А.Г.* Тагер Елена Михайловна. Фонд 907 // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 986–989.

7. *Огрызко В.* Североведы России: материалы к биографическому словарю. М.: Лит. Россия, 2007. 558 с.
8. *Пришвин М.* Дневники. 1914–1917 / подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина. СПб.: Росток, 2007. 607 с.
9. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах. 1907–1917 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009. Т. 2: 1909–1914. 600 с.
10. *Розенталь Л.В.* Непримечательные достоверности. Свидетельские показания любителя стихов начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 816 с.
11. *Сальман М.Г.* Из юношеских лет Елены Тагер (материалы к биографии, 1895–1924) // *Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel* / Ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea, and Ilya Vinitzky. [Berlin etc.:] Peter Lang, 2020. P. 443–483. (Stanford Slavic Studies. Vol. 50).
12. Самиздат Ленинграда. 1950-е – 1980-е: литературная энциклопедия / под общ. ред. Д. Северюхина; авт.-сост. В. Долинин, Б. Иванов, Б. Останин, Д. Северюхин. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.
13. *Шишкин А.Б.* Вяч. Иванов и Петербургское религиозно-философское общество (материалы к постановке темы) // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2 / отв. ред. Н.Ю. Грякалова, А.Б. Шишкин. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. С. 109–142.
14. *Шталь Е.* Литературные Хибины: энциклопедический справочник. 1835–2015 / предисл. Ю.Л. Войтеховского. М.: АИРО-XXI, 2017. 1056 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

Revisiting Elena Tager's Early Biography

© 2021. Alexander L. Sobolev

Independent researcher,
Moscow, Russia

Abstract: For the first time, ten letters of the writer Elena Mikhailovna Tager (1895–1964), referring to the early, least studied years of her life, are published. Among her correspondents are S.P. Milyukov, N.A. Rubakin, Viach. Ivanov and A.A. Blok. The meaning of the letters goes beyond the limits of the biography itself: for example, the letter to Ivanov contains an unknown evidence of the famous meeting of the Religious-Philosophical Society, dedicated to the exclusion of V.V. Rozanov. Letters to Rubakin contain details of the pre-war life of the Russian student-revolutionary diaspora in Switzerland. The publication is accompanied by a detailed commentary.

Keywords: biography of the writer; E.M. Tager; literary life; letters; publication of archival documents.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com.

For citation: Sobolev, A.L. “Revisiting Elena Tager’s Early Biography”. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (20), 2021, pp. 160–188. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-160-188>

References

1. *Aleksandr Blok v vospominaniakh sovremennikov* [*Alexander Blok in the Memoirs of His Contemporaries*], vol. 2, comp., text prep. and comm. by Vl. Orlov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980. 546 p. (In Russ.)
2. “Vospominaniia E.M. Tager o Bloke” [“E.M. Tager’s Memoirs about Blok”], introd., publ. and comm. by Z.G. Mints. *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. IV* [*Works on Russian and Slavic Philology. IV*]. Tartu, 1961, pp. 296–303. (In Russ.)
3. Genis, V.L. *Nevernye slugi rezhima. Pervye sovetskie nevozvrashchentsy (1920–1933): opyt dokumental'nogo issledovaniia: v 2 kn.* [*Unfaithful Servants of the Regime. The First Soviet Defectors (1920–1933): an Attempt of Documentary Research: in 2 vols.*], book. 2: “Tret'ia emigratsiia” (1929–1933) [“Third Emigration” (1922–1933)]. Moscow, 2012. 815 p. (In Russ.)
4. Levin, L. *Takie byli vremena* [*Such Were the Times*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 397 p. (In Russ.)
5. Maslov, G. *Sochineniia v stikhakh i proze. Materialy k biografii* [*Poetic and Prose Works. Materials for Biography*], comp. by V.V. Nekhotin, I.G. Devyatyarova. Omsk, tipografiia “Zolotoi tirazh” Publ., 2020. 440 p. (In Russ.)
6. Nosova, A.G. “Tager Elena Mikhailovna. Fond 907” [“Tager Elena Mikhailovna. Collection 907”]. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2012 god* [*Pushkin House Manuscript Department Annual for 2012*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2013, pp. 986–989. (In Russ.)
7. Ogrzyzko, V. *Severovedy Rossii: materialy k biograficheskomu slovariui* [*Russian North Scholars: Materials for a Biographical Dictionary*]. Moscow, Literaturnaia Rossiia Publ., 2007. 558 p. (In Russ.)
8. Prishvin, M. *Dnevnik. 1914–1917* [*Diaries. 1914–1917*], text prep. by L.A. Ryazanova, Ya.Z. Grishina, comm. by Ya.Z. Grishina, V.Yu. Grishin. St. Petersburg, Rostok Publ., 2007. 607 p. (In Russ.)
9. *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde). Istoriia v materialakh i dokumentakh. 1907–1917* [*Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd). History in Materials and Documents. 1907–1917*], vol. 2:

1909–1914, comp., text prep., introd. and notes by O.T. Ermishin, O.A. Korostelev, L.V. Khachatryan et al. Moscow, Russkii put' Publ., 2009. 600 p. (In Russ.)

10. Rozental', L.V. Neprimechatel'nye dostovernosti. Svidetel'skie pokazaniia liubitelia stikhov nachala XX veka [*Unremarkable Authenticities. Testimony of an Early 20th Century Poetry Lover*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 816 p. (In Russ.)

11. Sal'man, M.G. “Iz iunosheskikh let Eleny Tager (materialy k biografii, 1895–1924)” [“From Elena Tager’s Youth (Materials for the Biography, 1895–1924)”]. *Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*, ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea, and Ilya Vinitzky. Berlin etc., Peter Lang, 2020, pp. 443–483. (In Russ.).

12. *Samizdat Leningrada. 1950-e – 1980-e: literaturnaia entsiklopediia* [Samizdat of Leningrad. 1950s – 1980s: Literary Encyclopedia], ed. by D. Severyukhin, comp. by V. Dolinin, B. Ivanov, B. Ostanin, D. Severyukhin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 624 p. (In Russ.)

13. Shishkin, A.B. “Viach. Ivanov i Peterburgskoe religiozno-filosofskoe obshchestvo (materialy k postanovke temy)” [“Viach. Ivanov and the St. Petersburg Religious and Philosophical Society (Materials for Setting the Theme)”]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy. Vyp. 2* [*Viacheslav Ivanov. Studies and Materials. Issue 2*], ex. ed. N.Yu. Gryakalova, A.B. Shishkin. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2016, pp. 109–142. (In Russ.)

14. Shtal', E. *Literaturnye Khibiny: entsiklopedicheskii spravochnik. 1835–2015* [*Literary Khibiny: Encyclopedic Reference Book. 1835–2015*], introd. by Yu.L. Voitek-hovskiy. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2017. 1056 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.12.2020
Одобрена после рецензирования: 14.01.2021
Дата публикации: 25.06.2021

The article was submitted: 18.12.2020
Approved after reviewing: 14.01.2021
Date of publication: 25.06.2021